

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Джозеф Кэмпбелл

РОМАН О ГРААЛЕ

Магия и тайна
мифа о короле
Артуре

Джозеф Кэмпбелл
Роман о Граале. Магия и
тайна мифа о короле Артуре
Серия «Мастера психологии (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40685395

Роман о Граале: магия и тайна мифа о короле Артуре. / Кэмпбелл

Дж.: Питер; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-4461-0844-2

Аннотация

Джозеф Кэмпбелл глубоко занимался изучением мифов о поисках Грааля и легенд о короле Артуре. Назвав эти истории первой в мире «светской мифологией», он нашел в них метафоры стадий развития личности и психологии отношений, которыми мы пользуемся сегодня. Эти мифы впервые описывают новую форму человеческой любви, где связь между мужчиной и женщиной наполняют их духовно и телесно. Джозеф Кэмпбелл – выдающийся ученый, писатель и педагог – оказал огромное влияние на миллионы людей, в том числе на создателя «Звездных войн» Джорджа Лукаса.

Содержание

О собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла	7
Предисловие издателя	8
Слова признательности	29
Часть первая	32
Глава I	32
Глава II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Джозеф Кэмпбелл
Роман о Граале:
магия и тайна мифа
о короле Артуре**

ROMANCE OF
THE GRAIL

THE MAGIC AND MYSTERY OF AUTHURIAN MYTH

Joseph Campbell

EDITED BY EVANS LANSING SMITH

The logo for the Joseph Campbell Foundation, featuring the text "JOSEPH CAMPBELL" in a serif font above the word "FOUNDATION" in a sans-serif font, all enclosed within a faint circular border.

JOSEPH CAMPBELL
FOUNDATION

New World Library
Novato, California

Права на издание получены по соглашению с Joseph Campbell Foundation. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2015, Joseph Campbell Foundation (jcf.org).

Collected Works of Joseph Campbell / Robert Walter,
Executive Editor/David Kudler, Managing Editor

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер»,
2019

© Издание на русском языке, оформление ООО Издатель-

ство «Питер», 2019

© Серия «Мастера психологии», 2019

О собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла

После ухода из жизни Джозефа Кэмпбелла в 1987 году был издан целый ряд его работ, посвященных главному делу всей его жизни – множеству универсальных мифов и символов, которые он называл «общей историей всего человечества». Но многие его работы остались неопубликованными: статьи, не вошедшие в печатные издания, заметки, письма и дневники, а также аудио- и видеозаписи его лекций.

Фонд Джозефа Кэмпбелла, основанный в 1990 году, целью которого стало сохранить и популяризировать работы Кэмпбелла, создал цифровой архив его трудов и записей, чтобы на его основе опубликовать *Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла*.

Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла

Роберт Балтер, главный редактор

Дэвид Кадлер, исполнительный редактор

Предисловие издателя

Мое знакомство с Джозефом Кэмпбеллом началось с путешествия, мечты и поэзии. Не зная, чем заняться после окончания Колледжа Уильямса в 1972 году, я решил пройти курс творческого письма в «Антиох Интернешнл» и впервые в жизни отправился за границу, чтобы провести полтора года, изучая романы и стихи в Лондоне и Дублине. Пересекая Ирландский пролив – те самые моря, где плавали Тристан и Изольда, я грезил об одной молодой даме, с которой познакомился в ходе этого путешествия.

После того как я поведал ей о своих мечтах, она предложила мне прочесть одну книгу и принесла копию *«Тысячеликого героя»*. Спустя несколько месяцев она показала мне рекламный проспект из Мэйн Рэнч в Калифорнии, где анонсировалась двухнедельная поездка во Францию в сопровождении Джозефа Кэмпбелла с целью изучения средневековых романов о короле Артуре. Я подал заявку и буквально проглотил другую книгу Кэмпбелла – *«Маски Бога: творческая мифология»*.

И вот в начале сентября 1976 года (мне тогда было двадцать шесть) я сидел в автобусе рядом с Джозефом Кэмпбеллом и слушал его рассказ о том, как он забрался на колокольню Шартрского собора, когда *ему* было двадцать шесть, чтобы позвонить в колокола, а также рассмотреть каждую

скульптуру и фигуру на витражах, изображавших библейских персонажей. Когда на следующее утро я вошел в Королевский портал и приблизился к огромному восьмиугольному лабиринту, расположенному в нефе собора, репетировавший там органист разразился громогласными звуками *Токкаты* Баха – словно специально в мою честь! Все камни собора задрожали и отозвались на звуки музыки. Мне даже показалось, что здание вот-вот рухнет.

Визитом в Шартр завершилась потрясающая неделя, во время которой мы осмотрели Руан, Амьен, Мон-Сен-Мишель, каменные столбы в Карнаке, средневековые леса Бретани, замки в долине Луары. Напоследок посетили Париж. Когда в сумерках мы ехали на автобусе из долины Луары в Шартр, Кэмпбелл, сидя у окна рядом со мной, так и засиял от радости, когда показались замки. Он хорошо знал те края, где под сенью деревьев или за далеким перелеском можно было обнаружить величественные следы Средневековья.

Мы отобедали в одном из замков, сидя у пруда, в глади которого до мельчайших деталей, только в перевернутом виде, отражались шпили, башни, площадки для орудий, зубчатые стены, парапеты и навесные башни. Это выглядело изумительно! А сам замок будто парил над водой – такой ослепительно белоснежный в тени бессмертных дубов.

Казалось, будто мы шагнули через пролом в стене в какой-то новый мир или прошли через зеркальную дверь в таинственные залы аббатства Гластонбери, где Артур и его

придворные исполняли старинный танец-игру «Мельница».

Чуть раньше наша группа остановилась в небольшом пабе в лесу Бретани, чтобы выпить чашечку сидра с сыром на закуску и насладиться гостеприимством приветливого старого хозяина – невысокого человека, похожего на гнома и обладавшего удивительным чувством юмора. После нескольких чашек сидра мы прогуливались по длинной тропинке за пабом, уходившей в те самые леса, где Вивиан околдовала Мерлина. Изображение этой истории было вырезано хозяином на деревянной кедровой стене в баре. Остановившись у огромного цветущего куста боярышника, старик обратился ко мне со словами: *«Il y a des choses qui n'existent pas!»* («Сколько есть всего такого, чего и на свете-то нет!»).

И я ему сразу поверил.

В той лесной чаще, где наша группа гуляла после обеда, мы уселись на бревнах и поваленных деревьях среди кустов шиповника и россыпи мухоморов.

«А вот эти грибочки есть не надо, – сказал нам Кэмпбелл, – а то мы никогда не доберемся до Парижа!»

И он рассказал нам о том, как умер Мерлин.

На склоне лет этот старик влюбился в Вивиан (еще известную под именем фея Моргана) – колдунью, которая забирала у Мерлина его волшебную силу, а потом использовала ее, чтобы заточить старого волшебника в башню с белыми шипами, где он томится до сих пор, навсегда невидимый для всех. Лишь его шепот на ветру, шелестящем в кронах густого

леса, слышен тем рыцарям, которые странствуют в сказочном лесу Броселианд в поисках любви или Святого Грааля.

Когда Кэмпбелл закончил свой рассказ, вдали завывали собаки, солнце вышло из тумана и его лучи проникли в дубовую рощу, где высокие деревья окружили нашу притихшую группу, очарованную этой историей. Так оно и освещало поверхность маленького пруда, возле которого мы отобедали. Кэмпбелл привалился к каменному столбу у воды, а за его спиной Повелительница Озера снова вернула себе волшебный меч короля Артура Экскалибур и с ним погрузилась в воду: мне показалось, что я увидел, как из-под ряби на поверхности воды появилась ее рука, трижды взмахнула в воздухе мечом, прежде чем исчезнуть в глубине.

На следующий день мы отправились на экскурсию в старинный монастырь Мон-Сен-Мишель и остановились в маленьком отеле вниз по дороге, где Эйзенхауэр организовал свой штаб после вторжения в Нормандию, — там по пляжу вдоль моря мы и поехали в тот день. В Руане я увидел проломы в стенах собора, оставшиеся после артобстрела, а какая-то старушка пригласила меня в свой сожженный во время войны сад, чтобы поблагодарить за освобождение Франции!

По возвращении домой в Америку я передал эти слова благодарности моему отцу.

В этом уютном отеле Кэмпбелл тихо сидел в углу после завтрака, подбирая для своей лекции иллюстрации на слай-

дах. Накануне некоторые из нас пошли погулять после ужина, чтобы увидеть, как собор таинственно возвышается в ночной тьме над завихрениями смертельно опасных зыбучих песков в зоне прилива, а шпиль и ангел на его вершине растворились в темноте. Мы поехали туда вместе с фотографом из журнала «*Нэшнл Джеографик*», который собирал материал для статьи, поднялись по булыжным мостовым деревни к огромной арке, ведущей к монастырю и собору внутри него.

Прислонившись к каменной стене, я любовался этими громадными рельефными арками (на которых держался монастырь), растворявшимися в бесконечной ночи, окутавшей собор.

«Вот оно, неподвластное уму внутреннее Я», – прошептал мне Фред, когда я стоял там, дрожа на ветру.

Коротышка Фред, кривоногий психоаналитик из Австралии, который раскатисто смеялся, словно кто-то из пушек палил, – пришел к пониманию идей Юнга, когда ему привиделась ворона, долгие годы сидевшая на его правом бедре и отказывавшаяся улетать, пока он не прошел курс психоанализа у Фрейда. (Помните миф норманнов о двух воронах, одного из них звали Мысль, а другого – Память, которые сидели на плечах у мифологического героя Вотана?)

Волнение снова охватило меня в Париже, когда несколько человек из нашей группы пошли в Нотр-Дам, а потом спустились к Сене после долгого ужина (с обильными возлияниями). Величественный сводчатый неф и выступы стен со-

бора, видные с реки, протекавшей у его подножия, и каскад его парящих контрфорсов совершенно очаровали меня. Так я и стоял в восхищении, пока меня не вывела из забвения одна из наших спутниц, пожилая женщина из благотворительного общества Калифорнии, которая тихо сползла вниз по каменным ступенькам набережной: она просто выпила лишнего за ужином!

Итак, в Балтимор я вернулся уже другим человеком. И у меня стала зреть мысль о том, что меня ждет в жизни нечто новое. Я стал читать журнал «*Парабола*»¹, и там мне попались анонсы лекций Кэмпбелла, которые он читал в театре своей жены «*Опен Еуе*»² в Нью-Йорке (я ездил туда на скоростном поезде). На одной из воскресных лекций к Джозефу Кэмпбеллу присоединилась Джин Хьюстон. Она провела семинар, во время которого нас учили находить для себя духовного наставника. Кэмпбелл сидел позади меня, а когда Джин попросила его поведать, как он нашел своего духовного наставника, он рассказал, что в тот момент, когда встретил Джеймса Джойса, все храмы мира сразу же рухнули!

Во время следующего моего визита я видел, как Джин Эрдман исполняла роль Анны Ливии Плюрабель, ее необык-

¹ Имеется в виду журнал под названием «*Parabola: Where Spiritual Traditions Meet*», в ежеквартальных изданиях которого освещаются различные аспекты исследований в области мифологии, религии и культурных традиций народов мира. – *Примеч. пер.*

² Название театра можно перевести как «Открытый глаз». – *Примеч. пер.*

новенную песню и современную танцевальную интерпретацию Джойсовского романа *«Поминки по Финнегану»* в пьесе *«Тренер с шестью внутренностями»*. Об этом произведении Джойса идет речь в первой книге Кэмпбелла *«Отмычка к Поминкам по Финнегану»*, которую он написал вместе с Генри Муртоном Робинсоном. *«Тренер с шестью внутренностями»* — потрясающая пьеса. Было так трогательно видеть, как Джин в преклонном возрасте исполняла танец умирающей дочери реки, которая возвращалась к своему отцу, Ирландскому морю, в конце этой пьесы («бег... одинокой... реки... любимой... несет меня... вдаль...»)¹.

В какой-то момент под влиянием этих поездок во Францию (а также Египет и Кению вместе с Кэмпбеллом) и семинаров в театре «Open Eye» я решил продолжить обучение и изучать сравнительное литературоведение. Итак, я отправился через всю страну в Клермонтский университет (Калифорния), где провел семь лет подобно Гансу Касторпу из великого романа Томаса Манна, оказавшись в ловушке на Заколдованной горе. В самом начале моего пребывания там — думаю, это было в 1980-м — мне вручили рекламный проспект от последователя Юнга, руководителя группы исследований сновидений, в котором сообщалось о недельном семинаре с Кэмпбеллом в Ла Каса Мария в Монтесито.

Я подал заявку на участие в этом семинаре.

В течение этой незабываемой недели я благоговейно наблюдал, как Кэмпбелл, которому на тот момент уже испол-

нилось восемьдесят лет, читал лекции сначала весь день напролет, а потом еще и вечером. На следующей неделе в Институте Юнга в Сан-Франциско он говорил о Джойсе и Манне, с рассвета до заката, неизменно излучая энтузиазм. Он вставал утром, читал лекции до обеда, потом весь день до ужина, а после ужина снова на пару часов возвращался к лекциям. И так всю неделю, которая у многих из нас навсегда останется в памяти. Его выносливость в таком преклонном возрасте, невероятный кругозор и множество подробностей, которые он сообщал нам, с той грацией, которую итальянцы называют *sprezzatura* (умение делать нечто сложное так, словно это не требует никаких усилий), всегда вдохновляли меня в моей преподавательской деятельности.

«Это от сердца зависит», – сказал мне Кэмпбелл. Он много лет держал себя в спортивной форме, плавая на большие расстояния в Спортивном клубе Нью-Йорка. Но, сказав мне это, он имел в виду не только физическое здоровье.

Это от сердца зависит. Эти слова я навсегда запомнил, и я благодарен за то, что мне довелось их услышать.

После той недели в Каса Мария я продолжал ездить на машине из Клермонта, где учился, на другие лекции, пока не защитил докторскую диссертацию в 1986 году и не уехал оттуда, чтобы приступить к моей первой работе. В 1988 году, после двух лет преподавания в колледже Франклина в Лугано (Швейцария) я вернулся домой, включил телевизор в летнем домике моих дедушки и бабушки в Файр-Айлен-

де, чтобы зачарованно смотреть, как ведущий телепрограммы Билл Мойере попросил Кэмпбелла рассказать историю о том, как он звонил в колокола в Шартрском соборе. Вскоре после того, как Кэмпбелл закончил свою работу над циклом телевизионных передач *«Сила мифа»*, он умер на Гавайях, в дальнем краю за морскими волнами. После его смерти мне приснился о нем такой сон:

Я шел по одной из улиц Нью-Йорка. Свернув в проулок, я подошел к какой-то двери, на которой не было ни номера, ни адреса, ни таблички с надписью. Повинуясь какому-то непонятному порыву, я поднялся вверх по темной лестнице и зашел в пустую комнату на верхнем этаже. Там я обнаружил Джозефа Кэмпбелла и присел рядом с ним. В руке у него была колба вроде той, которыми пользуются алхимики, герметично запечатанная. Густой туман клубился внутри нее, поднимаясь из какой-то грязной кучки на дне, и мы оба смотрели на него. На лице Кэмпбелла была его обычная довольная улыбка. Пока мы смотрели в этот сосуд, клубы тумана стали медленно закручиваться спиралью и раскрасились в цвета радуги. Кэмпбелл указал на эту радугу – так называемый Петушиный хвост или символ алхимического союза: мне указали на то, как возникает жизнь под воздействием таинственных невидимых сил Вселенной, в которую в конце жизненного цикла вернутся все эти разноцветные фантомы, возносившиеся в «тонкий мир» подобно сновидению.

Глядя на то, как сияющий туман сворачивался кольцами над пригоршней земли на дне колбы, мы вдруг заметили пару крошечных существ – двух волшебных детей, чьи тела были почти прозрачными и излучали сияние. Они были соединены друг с другом в области груди какой-то перемычкой, словно сиаамские близнецы. И мне снова дали понять (хотя ни один из нас не произнес ни слова), что это был алхимический союз, возвещающий начало новой жизни, которая открывалась мне.

В 2010 году я покинул Среднезападный государственный университет в Техасе и стал работать на факультете и кафедре исследований мифологии в Университете Пасифик в Калифорнии. Именно в его библиотеке хранятся все произведения Кэмпбелла. Собрание сочинений (которое недавно обосновалось в Библиотеке Нью-Йорка) включало немало материалов, по которым Кэмпбелл готовил свои лекции и книги. Они были на редкость подробными и содержали ценную информацию, все были подписаны и тщательно разложены по папкам. Там имелись также рукописные тексты и напечатанные заметки, которые он оставил, читая книги и конспектируя лекции, которые сам посещал в Европе.

В приложении Б данной работы перечислены книги из этой библиотеки, относящиеся к романам о короле Артуре и к Средневековью. Кроме того, я создал транскрипты некоторых заметок на полях этих книг, оставленных Кэмпбеллом.

Особый интерес представляет для меня экземпляр маги-

стерской работы Кэмпбелла из этой коллекции, который он сдал в департамент английской литературы и сравнительного литературоведения в Университете Колумбии в 1927 году. Эта работа озаглавлена «*Исследования мучительной раны*» (одна из ключевых тем артуровского цикла романов, относящихся к периоду Средневековья) и посвящена происхождению понятия Бесплодной земли. Поскольку она ранее не была нигде опубликована, я включаю эту магистерскую работу в ее первоначальном виде в приложение А. Никаких изменений с целью адаптировать текст для восприятия современным читателем – в оформлении, правописании или стиле работы – сделано не было. Например, я не заменил в нем такие слова и выражения, как «дикий человек» или «первобытный человек», которые, кстати, кроме Кэмпбелла использовал Леви-Стросс (безо всяких для себя негативных последствий) четыре года спустя в своей ставшей классической работе «*Lapensee sauvage*» («Первобытное мышление»).

Во время подготовки этой книги к изданию у меня возникли три серьезных соображения по поводу имеющегося материала. Они касаются того, что весь профессиональный путь Кэмпбелла был связан с изучением легенд о короле Артуре.

Первая моя догадка заключается в том, что научные изыскания ученого открыли ему все богатство сравнительной мифологии. Уехав из Нью-Йорка за границу в 1927 году, чтобы там проводить свои исследования, сразу по завершении

работы «*Исследования мучительной раны*», Кэмпбелл полагал, что истоки романов о короле Артуре следует искать в мифах кельтских народов Древней Европы (в Уэльсе, Бретани и Ирландии). Именно поиску этих связей посвятил всю жизнь его научный руководитель в Университете Колумбии Роджер Шерман Лумис. Проведя около года в Париже за изучением старофранцузского и провансальского языков, Кэмпбелл отправился в Мюнхен, где более ста лет господствовал совершенно иной подход к изучению средневековой литературы. В научной традиции Германии, которую иногда называют ориенталистской, кельтским источникам доримской, дохристианской европейской литературы уделяется меньше внимания по сравнению с азиатскими корнями этих мифов. Целый ряд ученых вдумчиво исследовали персидские, вавилонские, арабские и индуистские тексты в качестве источника этих мифов. В этом они шли по стопам философов-романтиков (Шопенгауэра, Шлегеля, а позднее Макса Мюллера), а также Теодора Бенфея, который в 1859 году перевел «*Панчатантру*» и доказал факт проникновения индуистского мифа в европейскую средневековую литературу через переводные арабские и латинские литературные произведения.

Во время пребывания в Мюнхене Кэмпбелл обратил свой взор на Восток и продолжал смотреть в этом направлении на протяжении всей своей жизни. В определенный момент это привело его к изучению санскрита, что в свою очередь

положило начало его дружбе с немецким индологом Генрихом Циммером, который бежал из нацистской Германии в 1938 году и в 1940-м уже читал лекции в Колумбийском университете. После ухода Циммера из жизни в 1943 году Кэмпбелл посвятил более десяти лет переводам и изданию его трудов по индийской мифологии и искусству, которые тот не успел завершить. Оказалось, что отец Циммера был знаменитым исследователем кельтской культуры. Сложите двух Циммеров вместе – и вы получите суть подхода Кэмпбелла к изучению истоков романов о короле Артуре (с учетом влияния на них и кельтских, и азиатских мифов)².

Вторая ключевая мысль – это идея Кэмпбелла о том, что мифы о короле Артуре представляют собой первый случай «светской мифологии» в мире. Он считал, что мифы не следует понимать буквально, а необходимо интерпретировать их как своего рода метафоры естественных этапов процесса формирования личности³. Скорее всего, открытие Кэмпбеллом психологической значимости мифов состоялось именно во время его учебы в Мюнхене, с ноября 1928 года по весну 1929-го, когда он совершил путешествие через Грецию в Константинополь (прежде чем вернулся в Нью-Йорк 23 августа того же года). Позднее Кэмпбелл так рассказал о синтезе психологии и мифологии, начало которому было положено в Мюнхене:

Открытие немецкого языка перевернуло мою жизнь. [...] Это произошло, когда я учился в

Германии, и тогда я впервые осознал метафизику изучаемого материала. Меня интересовала мифология, в особенности средневековая, с точки зрения западной науки. Я открыл для себя Гете, открыл для себя Томаса Манна, Юнга и внезапно осознал, что они существуют в мистическом, а не только в академическом измерении. И тогда я ощутил глубокую привязанность к этой стране⁴.

И наконец, Кэмпбелл вслед за Дени де Ружмоном, автором знаменитой книги «*L'Amour et l'Occident*» («Любовь и Западный мир»), тоже обнаружил в стихах о короле Артуре истоки европейского отношения к любви⁵. Это была особенная любовь, в которой соединились сексуальность эроса и служение обществу *agapē* (агапе), где особая ценность придавалась уникальным взаимоотношениям между двумя людьми, которые Кэмпбелл называл *amor*. *Amor* — это взаимоотношения двух разных личностей, которые вдохновляются и подпитываются этой связью. Ни один из них не чувствует себя ущемленным, наоборот, оба проживают более полную жизнь, вступая в эти отношения, обогащаясь в них (чего не произошло бы друг без друга), но при этом никто не жертвует для другого своей личностью.

В целом эти три идеи являются центральными в творчестве Кэмпбелла, зародившись в силу его увлечения материалами о короле Артуре, которые хранятся в собрании библиотеки Института Пасифик и в архивах OPUS. Особый ин-

интерес для меня представляет принадлежавший лично Кэмпбеллу экземпляр его любимой поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «*Парцифаль*» и небольшое исследование Франца Рольфа Шредера поэмы «*Die Parzivalfrage*» («О Парцифале»), опубликованное в 1925 году, которое Кэмпбелл, возможно, приобрел во время нахождения в Мюнхене. Экземпляр поэмы Вольфрама, принадлежавший Кэмпбеллу, состоит из нескольких страниц рукописных заметок из книги Шредера, а также множества страниц с подчеркиваниями Кэмпбелла и его заметками на полях, поэтому я пришел к выводу, что Кэмпбелл придавал большое значение работе «*Die Parzivalfrage*», хотя я и не нашел ссылок на нее в его опубликованных трудах, посвященных романам о короле Артуре.

Сначала я слышал от Кэмпбелла историю о Парцифале – ее он рассказывал при свечах на холодных берегах Бретани во время нашей совместной поездки во Францию, после потрясающего ужина из пяти блюд, со свежесвыловленными устрицами из залива, вид на который нам открывался из обеденного зала. Это была очень важная ночь, все происходящее было так трогательно, что старый юрист из Нью-Йорка расплакался во время прощальной речи Кэмпбелла. Я, должно быть, уже двадцать пять раз слышал от Кэмпбелла историю о Парцифале на протяжении многих лет, но все же узнал о ней много нового из книги Франца Шредера.

Я читал «*Die Parzivalfrage*», подчеркивая фразы о восхождении на небеса, которые раньше я не связывал с поэмой

Вольфрама и о которых Кэмпбелл не упоминал. Шредер утверждает, что этот миф связан с культурой Ирана, с герметическими, неоплатоническими и гностическими вариантами восхождения души в небеса после смерти (или во время воображаемых полетов в состоянии экстаза в течение жизни). А Шредер привлекает наше внимание к тому, что Грааль явился к нам из рая (эту тему развивали затем в своих трудах Генри и Рене Кахана)⁶.

Когда я потом попросил сотрудника библиотеки (Ричарда Бухена, оказавшего мне неоценимую помощь) отправить мне ксерокопии страниц «*Парцифалья*» с каллиграфическими пометками Кэмпбелла, оказалось, что я подчеркнул в этой книге те же самые места, что и Кэмпбелл. И я осознал, что иду по верному пути и что мой старый учитель все еще говорит со мной из мира небытия – как Мерлин, чей голос что-то шепчет в шелесте сосен в Бретани, после того как чаровница Вивиан околдовала его, отправила в мир мертвых, заключив в башню из цветущего боярышника.

Кроме упомянутой работы Шредера есть еще несколько очень важных документов в коллекции Джозефа Кэмпбелла, которые указывают на переход от кельтской мифологии к восточной мифологии в его понимании легенд артуровского цикла. Такое изменение послужило катализатором всех основных воззрений Кэмпбелла на миф в целом и на романы о Граале в частности и породило его уникальную точку зрения на творческий синтез. Это видно, когда читаешь некоторые

страницы его очень старых заметок (с подчеркнутым заглавием «Мучительная рана»), где явно прослеживается влияние трудов Лео Фробениуса. Особенно это заметно на одной странице, где Кэмпбелл сделал пометки на немецком языке о параллелях между мифами палеолита, Эритреи, инуитов, египтян, жителей севера Европы и мифами об Артуре – во всех этих мифах упоминается плавание по ночному морю (*Nachtmeerfahrt*, как его называют Фробениус и Юнг); возрождение (*Wiedergeburt*), «Мучительная рана» и «Окровавленное копье»; мифы о чреве кита (*Walfisch mythe*), ритуальное убийство короля (*Rituelle Konigsmord*), схватка с драконом (*Dragenkampf*) и Король-Рыбак из историй о Граале. Даты на другой странице (1927) указывают на то, что эти все более явно присутствующие мотивы из романов о Граале – идеи, пока еще не разработанные Кэмпбеллом в его магистерской диссертации, – тем не менее уже посещали его в то время, когда он завершал работу над этой диссертацией в университете Колумбии. Последующие страницы из этой работы убедительно доказывают, что он находился тогда под влиянием идей Фробениуса. Там присутствуют цитаты на немецком языке из его работ «*Das Zeitalter des Sonnengottes*» («Век бога Солнца») и «*Und Afrika Sprach*» («И Африка заговорила»), а в конце этой серии мы находим заметку об Осирисе из работы «*Wandlungen und Symbole der Libido*» («Изменения и символы либидо») Юнга, свидетельствующую о том, что в этот период Кэмпбелл уже находился под впечат-

лением от его идей.

Еще одним указанием на то, что Кэмпбелл интересовался восточными учениями во время своего изучения романов о Граале, является страница с его примечаниями из книги Вассилида «Очерки о кельтской мифологии» о традициях кельтов, где шла речь о том, что и халдейские, и кельтские храмы (*L'Eglise chaldéenne* и *L'Eglise celtique*) восприняли традиции матери Церкви в Иерусалиме (*L'Eglise-mère de Jérusalem*) и что синтез представленных в них верований произошел в Церкви Святого Грааля в Северной Шотландии (*le Saint Graal est le lien entre elles*). Примеры подобного сходства между невероятным множеством разных мифологий (неолитической, критской времен бронзового века, египетской и пришедшей с Ближнего Востока, греко-римской, кельтской, мифологией норманнов, индуистской, буддистской, христианской) Кэмпбелл помногу и со вкусом приводил в своих комментариях и лекциях, посвященных романам о короле Артуре и Граале. Хотя в диссертации 1927 года виден интерес исследователей того времени к трудам сэра Джеймса Фрезера и Джесси Вестон, где основное внимание уделялось погибающим и возрождающимся божествам плодородия, проживавшим природный цикл в период благополучия или в период потрясений, Кэмпбелл изо всех сил стремился сформулировать глобальный и поликультурный подход к предмету сравнительной мифологии.

Без сомнений, эта тенденция получила мощную подпитку

и развитие благодаря дружбе Кэмпбелла с Генрихом Циммером с 1941-го по март 1943-го и до последних лет его жизни в изгнании, когда он покинул нацистскую Германию. Циммер скоропостижно скончался от пневмонии (Кэмпбелл полагал, что эта болезнь преследовала Циммера с тех времен, когда он сражался в окопах Первой мировой войны), что «невероятно потрясло всех, кто любил его, и все они очень горевали»⁷. После смерти Циммера Кэмпбелл самоотверженно издавал и переводил многотомные труды своего великого учителя, на что у него ушло более тринадцати лет. Сам Кэмпбелл говорил, что это была «адски тяжелая работа, но она доставила ему подлинное наслаждение»⁸. Самым главным из изданных трудов была книга *«Король и Труп»*, которая вышла 26 марта 1948 года – в тот день, когда Кэмпбеллу исполнилось 44 года⁹. В этой книге есть потрясающая глава «Четыре романа», которая служит примером гениальности Циммера и его богатого сравнительного подхода к историям о Гавейне, Ланцелоте, Мерлине и Ивейне. Именно этот подход, мастерский и изящный, в котором проявляется творческий синтез кельтского и восточного мистицизма, характерен для работ Кэмпбелла о короле Артуре. Многие из напечатанных черновиков к лекциям Циммера, посвященных этим историям, также находятся в коллекции Джозефа Кэмпбелла.

Позвольте мне завершить свое предисловие ссылкой на

избранные сочинения Джозефа Кэмпбелла, цитаты из которых приводятся в историях и комментариях, собранных в этой книге. Она построена на материале аудиолекций, доступных в Фонде собраний аудиозаписей Джозефа Кэмпбелла: «Традиции легенд о короле Артуре» (1.6.3), «Легенда о Граале» (1.6.4), «Отважный путешественник в лесах» (1.6.5), «Мифы о Граале» (II. 1.8). Также я использовал записи на аудиокассетах из неопубликованных лекций в собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла: L181 Эсален³, L769 Святой Грааль 1, L770 Святой Грааль 2, а также мои собственные аудиозаписи семинара «Мифы и мистерии Великой Богини», записанные в Каса Мария в Монтесито (Калифорния) начиная с 7 апреля 1983 года¹⁰. Кроме того, я собрал материал на основе конспектов лекций «Душа и символ», любезно предоставленных мне Дэвидом Кадлером, а также фрагменты эссе Кэмпбелла «Индийские размышления в замке Грааля», опубликованные в «*Celtic Consciousness*»¹¹ (сайт «Кельтское сознание», <https://www.celticconsciousness.com>). И наконец, я использовал множество разрозненных записей из Полного собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла. В каждом случае я стремил-

³ Коммуна в Калифорнии, основанная психологами Майклом Мерфи и Ричардом Прайсом, где практикуется уединенный образ жизни, запрещены телевидение, Интернет и другие средства современной связи. Цель поселенцев Эсален – максимально гармоничный образ жизни, единение с природой, духовные практики. – *Примеч. пер.*

ся сохранить не столько структуру и целостность исходных лекций, сколько связь в изложении идей, касающихся истории о каждом из странствующих рыцарей в отдельности. Поэтому некоторые из архивных материалов пришлось сократить и скомпоновать заново, например историю о Парцифале, которая была создана на основе нескольких вышеперечисленных источников.

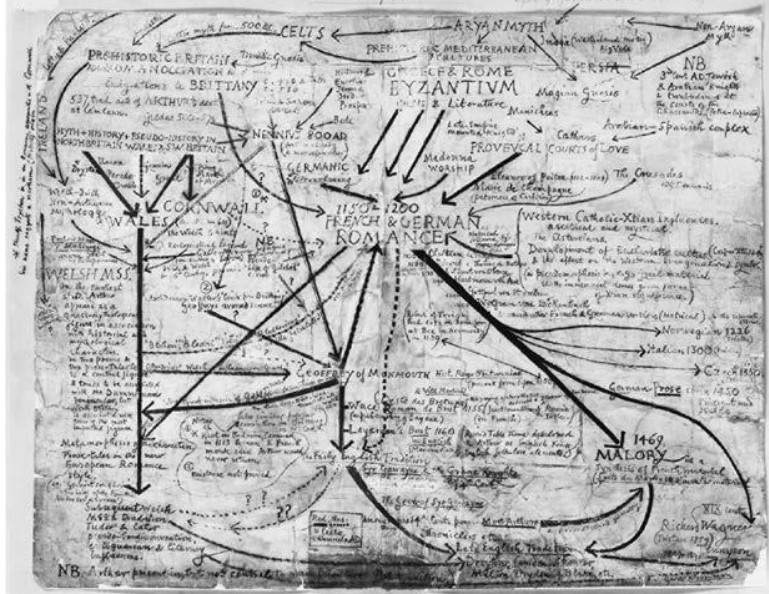
Эванс Лансинг Смит

Слова признательности

Эта книга не вышла бы в свет без помощи и профессиональной поддержки многих людей: Боба Уолтера и Дэвида Кадлера, которые посоветовали мне обратиться к аудиозаписям лекций Кэмпбелла, касающихся интересующей меня темы (доступ к ним можно получить на сайте Фонда Джозефа Кэмпбелла), предоставили мне тексты этих лекций и ряд отрывков других разрозненных записей, хранящихся в архивах Джозефа Кэмпбелла. Ричард Бучен, работавший тогда библиотекарем в отделе специальных коллекций в Институте Пасифик, первым познакомил меня с удивительными ресурсами из личной библиотеки Джозефа Кэмпбелла (аннотации на которые находятся в приложении А этой книги). Доктор Сэфрон Росси, в то время куратор собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла (а также издатель книги Кэмпбелла *«Богини: тайны божественной женственности»*), подобно Ариадне, стала моим проводником в лабиринте бесконечных комнат книгохранилища, где находятся сочинения Кэмпбелла. С неустанным энтузиазмом она показывала мне тяжелые коробки (их было более 130!), в которых хранились потрясающие заметки Кэмпбелла (все тщательно промаркированные), старательно выполненные им за годы усердного ученичества, такие невероятно подробные и глубокие.

Я приступил к этой работе десять лет назад, в 2005-м. Я

бы не справился без поддержки организации, где я работал на постоянной основе на протяжении двадцати лет, – Среднезападного государственного университета в Уичито-Фолз, Техас, а также Университета Пасифик в Карпинтерии, Калифорния. Благодарю коллег и друзей из обоих этих учебных заведений за помощь и заинтересованность. В особенности признателен доктору Джесси Роджерсу, президенту; доктору Сэму Уотсону, декану факультета; доктору Томасу Гэлбрейту, руководителю факультета английского языка; а также научно-исследовательскому комитету факультета и комитету развития в Среднезападном государственном университете за поддержку моей научной деятельности и финансирование моей исследовательской работы в Национальной библиотеке Парижа и Библиотеке специальных собраний сочинений и архивах OPUS (архив документов и ресурсов в области исследований в гуманитарных науках, психологии, культуре и мифологии, см. сайт архива) на базе Университета Пасифик. И наконец, я бесконечно признателен доктору Деннису Слоттери и доктору Патрику Махаффи, благодаря которым я смог уйти со своей должности после двадцати лет преподавания в Среднезападном государственном университете, чтобы приступить к работе на потрясающем факультете мифологических исследований.

Ил. 1. Пометки Джозефа Кэмпбелла на полях копий с рукописи романов о короле Артуре

Часть первая

Основа и происхождение романов о Граале

Глава I

Связь романов о Граале с культурой неолита, кельтской, римской и германской культурами

Расцвет романов о короле Артуре приходится на тот период истории, когда наиболее активно воздвигались соборы, – в удивительную эпоху между 1150 и 1250 годом. Я полагаю, что этот исторический отрезок – период готики – во многом напоминает времена Гомера. Перед нами две Великие Европы: одна – Европа Древней Греции и Древнего Рима; другая – Европа кельтов и германцев, где главное место отводится личности, где человек выступает не просто в качестве гражданина, подчиненного государству, напротив, государство является воплощением его воли. Таков европейский образ мысли.

В истории бывали моменты, когда на этом маленьком по-

луострове европейского сознания, на великих просторах от Африки до Евразии на первый план выходила личность человека. Задумавшись о греческом сознании времен Марафона и Термофил, вы сможете убедиться, что уже в ту эпоху греки считали, что они очень отличаются от всего Востока. Древних египтян очень уважали, но они были людьми восточными, а на Востоке личности не существует, там есть просто люди, принадлежащие к определенным типажам, которые входят в определенные сообщества, расы и слои общества. Принцип *дхармы* и то, что Йетс⁴ называл «первичной маской», навязанной обществом, освобождают человека от личной ответственности.

В этом случае человек мыслит как солдат: хороший солдат не отвечает за то, что он сделал, а лишь за то, как он это сделал. Так к человеку и относятся на Востоке. Когда юноша, живущий на Западе, получает повестку в армию, часто он переживает невыносимый психологический кризис, поскольку теперь ему необходимо усвоить совершенно иную систему ценностей, где отдельных индивидов не существует, а есть лишь безличные исполнители приказов. Безусловно, никто из них не несет личной ответственности за отданный приказ, исходящий от людей более высокого статуса, от предков, поэтому никто из нижестоящих за такой приказ не отвечает, а значит, может действовать с чистой совестью.

Однажды в Бомбее я спросил у прохожего на улице, как

⁴ Английский поэт-романтик. – *Примеч. пер.*

пройти на почту, и тот указал мне дорогу. Я сказал: «Большое спасибо».

Тот ответил: «О, таков мой долг», — и удалился.

И я подумал тогда: *«Боже мой, что за пафосный ответ!»*

Мощное вторжение восточной религии в Европу произошло в конце IV века. Это было христианство с постулатом о том, что все человечество унаследовало грех Адама и, возможно, обретет спасение благодаря самопожертвованию Иисуса, причем ни один человек в отдельности ничего не может сделать по своей воле (это же был не ваш личный грех, и спасение тоже исходит не от вас). Оно стало официальной государственной религией во всей Римской империи; людям не было позволено мыслить иначе. Примерно век спустя часть Европы, принадлежавшая Римской империи, рухнула, а то, что мы раньше называли Древним Римом, превратилось в Константинополь, Византию и снова стало частью Азии.

Европе было навязано абсолютно чуждое ей мировоззрение. Здесь уже существовали сложившиеся религии и мифологии, но впоследствии новый образ мыслей подавил их, став главенствующим. И в творческой мысли средневековой Европы европейское сознание стремилось ассимилировать дух коллективизма восточных христиан, пытаясь трансформировать его в нечто более близкое европейскому стилю мышления.

С моей точки зрения, апофеозом подобного стиля мышления стали романы о короле Артуре, созданные в XII–XIII веках. В них мы сталкиваемся с христианской терминологией, но формы сознания – абсолютно европейские.

Однако в конце XIII века, с усилением власти инквизиции, мало что было слышно о творениях в стиле романов о короле Артуре. Нам попадаются рукописные версии этих произведений, их переводы, например, самое известное англоязычное произведение, принадлежащее перу Мэлоори, «*Morte d'Arthur*» («Смерть Артура»), но после 1230 года никаких сколько-нибудь значительных новых литературных произведений не появляется.

У европейского сознания очень глубокие корни. На основе анализа углерода-14 стало возможным установить, что история Европы гораздо более древняя, чем было принято считать, и потому возникновение культурного сознания в Европе периода Великой Богини теперь уже датируется 7000 годом до и. э.¹ То есть очень давно. Сельское хозяйство в Европе возникло так же давно, как и все, что происходило на Ближнем Востоке.

В Восточной Европе было создано нечто очень важное: изобретено некое подобие линейного письма. Тому есть несколько свидетельств, и это в любом случае произошло за 3000 лет до возникновения письменности шумеров². Тогда же в Древней Европе возникают крупнейшие мегалитические постройки, которые датируются 4000 годом до и. э.:

Стоунхендж и Вудхендж в Англии, Ньюгранж в Ирландии, мегалиты в области Карнака (на территории современной провинции Бретань во Франции) и на территории Испании. Это гораздо раньше египетских пирамид. Пирамиды IV династии, начиная со Ступенчатой пирамиды, датируются примерно 2600 годом до и. э. Итак, следует признать огромное значение этих построек для Европы эпохи далекого прошлого, когда властвовала Великая Богиня.

Основные мифологии, сформировавшие европейское сознание, были связаны именно с Богиней, возможно, начиная с докерамического периода эпохи неолита и позднее – до наступления бронзового века. В Корнуолле существовали шахты по добыче олова. В Ирландии на реке Лиффи без труда намывали золото, так что любой мог попытаться счастья. В бронзовом веке на местонахождениях олова формировались поселения, жители которых занимались его добычей и обработкой, поскольку олово является важнейшим компонентом сплава бронзы и его не везде можно найти. Таким образом, с самых древних времен побережье Ирландского моря – Дублин, Уэльс и Корнуолл, остров Мэн и Западная Шотландия создали основу для цивилизованного образа жизни. Здесь формировались различные кельтские мифологии, была заложена основа для возвеличивания и процветания образа Богини. Например, наши феи-крестные тоже пришли из тех времен.

Примерно около I тысячелетия до и. э. кельты стали за-

селять Британские острова и Западную Францию. Получается, кельты – это индоевропейцы, вышедшие из юго-западных русских степей к северу от Черного моря. Их еще называют *курганы*, что на русском языке значит «погребальный холм». Погребальные холмы, места захоронения вождей-воинов, являются характерным признаком времени и степени расселения индоевропейских народов (их культура распространялась из этого региона в двух направлениях: на юго-восток и на юго-запад). На юго-востоке они достигли Индии. Как все индоевропейцы, они – ведический народ. Это воинственные племена скотоводов. Именно они приручили лошадей, став практически непобедимыми. Конь и боевая колесница в те времена имели такое же значение, как атомное оружие в наше время. И эти воинственные племена смяли все на своем пути.

До того как произошло разделение народов, все перемещались пешком. Приручив лошадей, они получили возможность стремительно передвигаться туда и обратно, как мы сейчас можем летать на самолетах. Жившие раньше в изоляции вдруг стали устанавливать дружественные контакты, и мы становимся свидетелями их взаимного влияния, в результате чего возникают поразительные параллели между культурами кельтского и китайского мира. Но это на самом деле не так уж удивительно, если учитывать постоянные контакты народов друг с другом.

Среди всех индоевропейских народов и групп людей, ко-

которые выходили из этих центров, огромное значение для Запада имело кельтское сообщество, первоначально населявшее Юго-Восточную Европу (в районе современных Баварии и Австрии). В то время (1000 год до н. э.) оно являлось частью так называемой гальштатской культуры, представители которой передвигались на крытых повозках, напоминавших конестогские повозки⁵ первых переселенцев в Америке и Канаде в XIX веке. С проникновением кельтов в западную Францию здесь начался период расцвета, известный под названием латенской культуры⁶. Об отважных воинах, управлявших колесницами, напоминают потрясающие изделия из золота, украшенные искусными орнаментами. Хотя они были дикими варварами, но среди них жили подлинные мастера, умевшие создавать из металла потрясающие произведения искусства. Именно эти группы людей одна за другой расселялась по Британским островам и в Ирландии.

В самом начале бронзового века у жителей Британских островов господствовал культ Матери. Они определяли родство по материнской линии, а право на власть передавалось от матери к дочери, реальное же правление осуществлял брат королевы. (Обратите внимание на то, как важны в рома-

⁵ Тяжелая прочная повозка с широкими колесами, крытая плотной материей; в нее запрягали 4–6 лошадей. – *Примеч. пер.*

⁶ Латенская культура – кельтская археологическая культура железного века (V–I века до н. э.), распространившаяся по всей Центральной и Западной Европе (Франция, Швейцария, Испания), на Балканах, в Малой Азии, Британии и Ирландии. – *Примеч. пер.*

нах о короле Артуре взаимоотношения между дядей и племянником.) А вот уклад жизни кельтов был более чем патриархальным. По мере их расселения на территории современной Баварии во Францию, а затем на земли современной Великобритании и Ирландии патриархальный уклад постепенно ослабевал – и начинало более явно прослеживаться влияние женского начала. Так что Мать-Богиня становится все более могущественной.

В классических кельтских легендах той эпохи действие обычно происходит в волшебной стране, где людей из мифической страны холмов – *сидов* – превращают в дам и рыцарей заколдованного замка, и они знают, что нужно сделать, чтобы их расколдовали. Но это неизвестно тому, кто в один прекрасный день попадает в их замок и снимает с них заклятье. В этих легендах заплутавшему юному воину из патриархального племени встречается какое-либо волшебное животное (или он видит блуждающий огонек), которое приводит его к зачарованному холму – внутрь него удалились древние люди из племени Матери-Богини после нашествия патриархальных захватчиков, а королева фей становится их госпожой. Оказавшись там, он находит горящую королеву, притесняемую жителями другого волшебного холма. Герой защищает ее, а потом остается с ней. Выполнив свою миссию, он погружается в волшебное небытие, подобно вагнеровскому Тангейзеру во владениях Венеры, где несколько столетий могут промелькнуть словно несколько дней, где нет ни старости,

ни печали, ни смерти, ни даже скуки. А если вдруг ему зачем-то нужно ненадолго покинуть это заколдованное место и на краткий миг вернуться в реальный мир, то ему велят оставаться верхом на коне, чтобы его нога не ступала на землю. И, конечно же, он делает все наоборот – и в тот же миг рассыпается в прах и исчезает. Таков удел спутников Брена, который возвращается на остров женщин. Такая же участь постигла и Святого Брендана, когда по прошествии сорока дней в Земле Обетованной он возвращается в Ирландию, где тут же умирает (и конечно, его душа немедленно попадает в рай).

Таков основной мотив более поздних легенд о короле Артуре; он снова и снова прослеживается, когда герой легенды, спасая от врагов хозяйку осажденного замка, становится ее возлюбленным. Начиная с эпохи бронзового века древняя тема воссоединения мужского и женского начал продолжается на протяжении многих веков.

При анализе времени попадания племен неолита в Европу вы видите народ, который хоронит умерших в урнах, и представителей культуры колоколовидных кубков⁷ – одна культура сменяет другую. Чрезвычайно сложно идентифицировать разные народы, проникающие в Европу и на Британские острова. В тот период с большой степенью вероятности в Сре-

⁷ Культура колоколовидных кубков (около 2800–1900 год до н. э.) – археологическая культура позднего неолита – раннего бронзового века Западной и Центральной Европы. – *Примеч. пер.*

диземноморье происходили важные процессы, связанные с торговлей оловом на территории Европы; ирландское золото и бронза тоже распространились по всей Европе.

В эпоху эллинизма была создана искусная статуя Умиряющего галла. Шею обнаженного галльского воина украшает ирландская гривна (ожерелье с двумя смыкающимися головами зверей), но изображаемое место действия находится на территории современной Турции. Между Британскими островами и континентом были налажены прочные торговые отношения. Всегда существовали связи по морю между Испанией и Ирландией. Цезарь, прибыв в Галлию, заметил, что местное население торговало тут и там – золотом, оловом, бронзой и прочими товарами, завезенными с островов.

Таковы бретонцы неолитического бронзового века, у которых существовало родство по материнской линии. Затем черноморские народы, патриархальные кельты, вторгались туда (остановившись передохнуть в южной Европе) на протяжении I тысячелетия до и. э. и вплоть до 50 года до и. э.

Впоследствии *вся Галлия была разделена на три части*. Юлий Цезарь вел галльские войны, а римляне покорили территорию современной Франции. А вскоре после эпохи Цезаря римляне завоевали и Британию. Она была покорена примерно в 50 году до и. э. и находилась под властью Рима приблизительно до 450 года н. э., то есть на протяжении 500 лет. Так и образовалась страна, которую мы теперь называем Англией (в те времена – Британия). Римские владения прости-

рались до современных шотландских земель и на запад до Уэльса. Таким образом, Шотландия, Уэльс, Корнуолл, остров Мэн и Ирландия оставались неподвластны римлянам, но испытывали на себе влияние римской культуры.

Другая группа индоевропейцев – германцы – наращивала свою мощь в Северной Европе. Они расселились к востоку и северу от занятых кельтами территорий. Германская культура напоминала кельтскую, их языки находились в близком родстве, представляя собой варианты индоевропейского языка. В то же самое время персы угрожали германцам с востока.

Ил. 2. Умирающий галл (мраморная скульптура, период эллинизма, Турция, I век до н. э.)

Размеры Римской империи просто не укладываются в голове: она занимала всю Северную Африку, Европу и Ближний Восток до самых границ Персии. Через Персию проходили римские дороги. На границе с Китаем также находилось римское торговое поселение. Известно географическое сочинение под названием *«Перипл Эритрейского моря»* — дневник древнегреческого мореплавателя. Он путешествовал по Индийскому океану на римских кораблях, чей основной торговый путь пролегал из Египта через Красное море и дальше вдоль побережья Африки — к территории современного Мозамбика, на запад и на восток, к югу Аравии и к берегам Индии. На юге Мадраса, в местечке Арикамеду, существовало римское торговое поселение (примерно во времена вторжения римлян в Британию). Римские монеты находили во Вьетнаме и на Филиппинах. Просто невероятно, как велики были власть и могущество Римской империи в период расцвета.

Во всей империи было принято христианство к IV веку от Рождества Христова, во времена правления Феодосия I и Феодосия II. Феодосий I (379–395) объявил христианство единственной дозволенной религией, положив начало преследованиям последователей иных религий по всей империи. Для нас важно, что в этот период начинается активная

миссионерская деятельность на территории Британских островов. Великобритания стала христианской, как и остальная часть Римской империи, а легендарный Святой Патрик в V веке обратил в христианство Ирландию. Один из трагических парадоксов истории состоит в том, что вскоре после принятия христианства Рим пал. Основная мысль Блаженного Августина, которая прослеживается в его размышлениях *«О Граде Божьем»*, заключается в том, что город смертных людей пал, но Вечный Град Господень одержал победу. Так себе утешение! Ведь реальное место на земле прекратило свое существование. Я бы сравнил христиан того времени с коммунистами наших дней: они пожирают сами себя изнутри, как личинки насекомых.

Одновременно с севера на территорию Рима наступали германцы. Внешнее давление приобрело фатальный характер, когда гунн Атиллы ворвался с востока – и одно германское племя за другим было отброшено на запад (можно сказать, от ужаса и безысходности им пришлось напасть на Римскую империю). Учитывая происходящее, в V веке римлянам пришлось сократить и перегруппировать свои укрепления.

Вся линия римской обороны вдоль Дуная до самой Британии была сдвинута, из Англии были выведены войска. Из-за этого Англия, после пятисот лет римской оккупации, осталась беззащитной, словно моллюск, которого достали из раковины. С севера наступали пикты, с запада – кельты, из Ют-

ландии вторгались германцы. Прошло еще много лет с момента крушения старого государства на территории Британии, прежде чем там появилась Англия, но именно тогда были заложены основы легенд о короле Артуре.

Ил. 3. Келлская книга, страница Тунк (*с лат.* «тогда»)
(чернила и золото на пергаменте, Ирландия, около 800 года)

Глава II

Христианство в Ирландии: святой Брендан и святой Патрик

На протяжении примерно тридцати лет мой дед по материнской линии, возглавлявший Нью-Йоркскую ирландскую католическую общину хиберниан и добрых сыновей святого Патрика, принимал участие в праздничном шествии по Пятой авеню в честь этого святого, занимая почетное место в первом ряду. Мой дед по отцу, Кэмпбелл, приехал из ирландской «тисовой долины» — графства Мейо, моя бабушка-шотландка из семейства Макфой была родом из Данди. С такой плеядой кельтских предков я практически уверен, что кто-то из моих далеких пращуров вполне мог быть знаком со святым Патриком, и, возможно, кто-то из них много столетий назад прибыл в Канаду с прославленным первооткрывателем Америки святым Бренданом.

История испытаний, выпавших на долю этого мореплавателя, удивительна. Похоже, он провел в странствиях не менее сорока лет, плавая от одного из множества атлантических островов к другому. Он плыл на своей лодке *коракле*, каркас которой был сплетен из ивовых прутьев, на восток вместе с двенадцатью собратьями из монастыря, выбранными из тысячи претендентов. Первый остров, куда они при-

были, был окружен такими неприступными скалами, что они целых три дня не могли найти подходящего места, чтобы причалить. Когда они ступили на сушу, их встретила ласковая собака, которая улеглась перед святым Бренданом и словно поклонилась, приветствуя его. Потом собака отвела его в роскошный зал, где на застланном золотой скатертью столе стояли хлеб и рыба. Такие чудесные угощения часто присутствуют в сказаниях кельтов, будь то в языческую или христианскую эпоху. А в приведенном средневековом примере эти яства напоминали чудо Христово с хлебами и рыбой, которыми он накормил множество людей. Эпизод со святым Бренданом и его двенадцатью спутниками, сидящими за столом, иносказательно указывает на великую сцену Тайной Вечери, празднование Пасхи, сразу за которой последовало испытание в Гефсиманском саду и Путь к распятию. Изначально за еврейской Пасхой начался исход евреев по пересохшему дну Красного моря – и сорок лет они скитались в пустыне. Вот и Брендан со своими монахами после пиршества на Скалистом острове должен был провести сорок лет в скитаниях по бурным волнам, словно преодолевая путь в Землю Обетованную (хотя эти места и находились очень далеко от Ханаана).

Но где же эта земля и какая она? Где тот рай с двумя деревьями – Древом Познания Добра и Зла и Древом Жизни? Одно из главных заблуждений многих толкователей мифологических символов заключается в том, что их пытаются

ся расшифровать как обозначения чего-то существующего в материальном мире, а не как таинства человеческого духа, стараясь разглядеть за ними нечто происходившее в действительности на земле или на небе. Землю Обетованную, например, ищут в Ханаане, или полагают, что рай находится где-то на небе, или считают переход израильтян по дну Красного моря событием, о котором можно было бы написать репортаж по материалам, собранным журналистами. Кельтские же традиции примечательны тем, что даже в религиозных сюжетах воображаемые факты превращаются в мифологические идиомы; их можно воспринимать не как обусловленные временем, а как нечто вневременное. Нам рассказывают не о чудесах прошлого, а о том чудесном потенциале, который находится внутри нас здесь, сейчас и всегда. Вот какая цель лежит в основе преданий, связанных с Граалем, в основе романов о короле Артуре, корнями уходящих в древнюю традицию кельтских повествований о героях-язычниках или о христианских рыцарях и святых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.